

Моим братьям-путешественникам,
исследователям вод и пустынь
и всего, что лежит между ними

ОДИН

Огни в салоне мигают, и я просыпаюсь, моргая. Шея затекла, во рту пересохло. Над головой что-то гремит — на багажной полке. Турбулентность. Я зеваю, и наушник выпадает у меня из уха как раз в тот момент, как наш самолет резко проваливается в воздушную яму. По салону разносится тихое аханье и обрывки взволнованных разговоров.

Трещит динамик:

— Дамы и господа, до Ньюарка остается около двадцати миль. Как вы могли заметить, погодные условия у нас не самые благоприятные. Посадка предстоит жесткая.

Харпер, моя соседка по креслу, ерзает на сиденье.

— Ну, сейчас начнется истерика.

Я смеюсь. Она абсолютно права: непривычные к полетам пассажиры всегда нервничают, когда пилот упоминает погоду, турбулентность и жесткие посадки. По ту сторону прохода темноглазая женщина с тонкими губами затягивает ремень безопасности так, что больно смотреть. Я представляю, как нарисовала бы ее: сосредоточилась бы на лице и оставила бы остальное размытым. В ее глазах читаются страх и решительность.

Женщина ловит мой взгляд и выразительно смотрит на расстегнутый ремень у меня на бедрах. В ответ я лишь наклоняюсь к иллюминатору, чтобы было лучше видно. Не в пример Невротической Нэнси, меня совсем не пугают скачки самолета. Пока он не рухнет вниз с горящими двигателями, беспокоиться не о чем. Какая разница! Да пусть мы хоть всю дорогу до посадочной полосы проскачем по воздушным кочкам. Главное, добраться домой, к маме. Я невольно вспоминаю руку тети в своей ладони. Тонкая, восковая, в синяках от капельниц. Я бы предпочла стереть эту картину из памяти. У нас с тетей Фиби было много прекрасных воспоминаний. Как мы пекли шоколадные печеньки. Как примеряли шарфы. Как вместе рисовали красками и подбирали сочетания цветов. Теперь эти прекрасные воспоминания размылись; осталось только то, что случилось в прошлом году. Последние дни, что мы провели вместе, вставляли у меня перед глазами точно наяву.

Запах лекарств и хлорки. Скрип моих подошв по больничному линолеуму. Тихие, икающие маминьки всхлипы. Стоит мне расслабиться — и я словно возвращаюсь туда снова.

Но маме еще хуже. Мне Фиби была тетей, а маме — сестрой-близняшкой. Однажды мама сказала мне, что это все равно что потерять одно легкое: *«Не думаю, что когда-нибудь смогу дышать полной грудью»*.

Звон металла возвращает меня к реальности. В передней части салона стюардессы медленно провозят тележки, собирая мусор и поднимая откидные столики. Кто-то из пассажиров вступил с ними в спор. Мне не слышно, что он спрашивает, но стюардесса отвечает ему сурово: «Нет, сейчас нельзя доставать багаж с полки. Сэр, простите, это нарушает правила безопас-

ности». Я застегиваю собственную сумку. Стюардессы проходят мимо нашего ряда, улыбочивые и вежливые, несмотря на то что самолет трясет и подкидывает. Харпер аккуратно красит губы. При такой турбулентности я понятия не имею, как она еще не раскрасила себе нос. Чудеса какие-то.

Мне неловко за свои дешевые джинсы: рядом с Харпер, облаченной в белоснежную блузку и шерстяную юбку-карандаш, я кажусь себе последней неряхой. Харпер рассказывала мне про свой университет; значит, мы с ней примерно ровесницы. Однако такого шика мне никогда не достичь.

Самолет снова проваливается вниз, и у меня подводит живот. Крылья со стуком ловят воздушный поток. Я клацаю зубами; стюардесса спотыкается в проходе. Кто-то плачет. Я делаю глубокий вдох и закрываю глаза. Видимо, насчет жесткой посадки пилот не шутил.

Снова включается громкая связь:

— Стюарды и стюардессы, займите свои места.

Харпер заправляет длинную темную прядь за ухо.

— Ну вот, придется и дальше держать стаканчик.

Самолет с грохотом пробирается сквозь облака. Спуск проходит хуже некуда. У меня клацают зубы. Сумки скачут под подлокотниками. Я достаточно часто летаю, чтобы не особенно волноваться, но на всякий случай заглядываю в иллюминатор. Давай, опускайся уже под облака.

На сиденье передо мной женщина все продолжает плакать, и теперь я ее даже отчасти понимаю. Вид у всех напряженный. У всех, кроме Харпер.

— Сколько у тебя времени между рейсами? — спрашивает она, надевая на помаду колпачок и не разливая при этом ни капли своей диетической колы.

— Сорок пять минут, — отвечаю я.

Самолет снова падает и снова поднимается.

— Совсем впритык.

— В такую погоду переживать не о чем. Все равно все рейсы задержат. — Она широко улыбается. — Так ты подумала о том, что мы обсуждали?

Обычно я всеми силами избегаю самолетной болтовни. Но не успели мы взлететь, как Харпер показала на серебряный браслет, который папа подарил мне два года назад на Рождество. Она с одного взгляда узнала ювелира, и мы разговорились про обработку металлов. Потом разговор перешел на современное искусство, потом на живопись. И тут уж меня было не остановить.

— Мне кажется, я задремала где-то над Оклахомой, — говорю я.

Она смеется.

— Надеюсь, эта метель убедит тебя перевестись в Калифорнию.

— Перевестись?

— Ну да. Может, раньше тебе бы и не хватило среднего балла, но теперь ты учишься на одни пятерки. И талант есть. Я видела твои работы.

— Ну, на телефоне.

— Мне хватило. В твоих картинах есть сила; такое нечасто бывает.

Фиби говорила мне что-то похожее. Что я умею так работать с цветом, что зритель сразу может разглядеть самое важное в моих картинах. Так она убедила меня взять у нее денег и отучиться семестр в страшно дорогом и ужасно престижном университете на другом конце страны. Меня взяли на третий курс, но я вернулась домой сразу, как узнала о болезни Фиби. Воз-

вращаться я не собиралась, особенно теперь, когда за последний курс мне пришлось бы заплатить огромную сумму.

Фиби и слушать об этом не хотела. В один из наших последних разговоров она попыталась убедить меня, чтобы я переехала с концами. Тетя вложила мне в ладонь чек и крепко сжала запястье тонкими пальцами. Она говорила, как ей хочется, чтобы я вернулась и осталась учиться до самого выпуска.

«В твоих работах есть душа, Мира. Ты должна раскрыть свой талант. Это важно».

Не знаю, была ли она права, но спорить с умирающей тетей я не собиралась.

— Хотя ладно, — говорит Харпер, и мои мысли возвращаются к настоящему. — Стоит людям увидеть твои картины, никто и не вспомнит, что ты окончила только училище.

Училище? Я прокручиваю в голове наш разговор. Как я показывала ей фотографии с последней студенческой выставки. Я призналась тогда, что не в восторге от преподавателя живописи. Не знаю, с чего Харпер решила, что я хожу в училище... Так или иначе, перевестись в другой университет я не смогу. Я все еще учусь в школе.

Мне хочется объяснить это Харпер, но зачем... если случайная попутчица в самолете решила, что школьная попытка для меня уже закончена, то какая кому разница!

— Я подумаю, — отвечаю я.

— Да, подумай. Напиши, если захочешь, чтобы я поговорила с Джудом.

Самолет сильно кренится влево, поймав крылом нисходящий поток воздуха. Плачущая женщина взвизгивает, но Харпер лишь вздыхает и просит мой номер

телефона. Говорит, отправит мне эсэмэску. Все это время она удерживает в левой руке свой стаканчик. Сама я летать практически не боюсь, но эта девчонка... такого невозмутимого спокойствия я еще не встречала.

Самолет сильно трясет. Теперь крики раздаются со всех сторон. Харпер фыркает:

— Лучше уж авария, чем весь этот цирк.

Крепко сжимая подлокотник, я выдавливаю из себя улыбку. *«Дорогой Боженька, если ты меня слышишь, пожалуйста, пусть я вырасту такой же, как Харпер».*

— Ну вот. Джуд выпускается в следующем году. Кафедра истории музыки. Развлечение для богатеев, если спросишь меня, но ему и правда повезло. Ты говорила, тебе не очень нравится Эверглен... Я правильно помню? Ты же ходишь в Эверглен?

Я киваю: я и правда учусь в школе Эверглен. Мне несколько неловко, но я ее не перебиваю.

— Думаю, тебе просто нужен колледж получше. Тебе понравится в Университете искусств. Все от него в таком восторге.

— Подожди, а ты сама разве не туда ходишь?

— Нет, я учусь на международных отношениях в Помоне.

— Легкотня ведь, да? — Я ухмыляюсь.

— Была бы легкотня, если бы я не взяла дополнительный курс по востоковедению.

Самолет заваливается на правый бок, выпрямляется, потом падает влево. Люди вокруг меня плачут, и, честно говоря, я сама не припомню худшего приземления за долгую историю моих полетов. Но Харпер продолжает щебетать, уставившись в пространство.

— Не знаю, о чем я думала, — задумчиво произносит она. — Можно, конечно, брать поменьше предметов в семестре, но я люблю сложные задачи.

— Похоже на то.

Она все не замолкает. Как ни в чем не бывало Харпер продолжает вещать про университеты и стипендии, и ее, похоже, совсем не тянет заглянуть в иллюминатор. У нее куча дел и на всякие аварии совершенно нет времени.

Она оказалась права.

Самолет, скрипнув шасси, покатился по посадочной полосе под гром аплодисментов. Что-то у меня внутри расслабляется, и я наконец могу дышать полной грудью. Похоже, я переживала больше, чем мне казалось. Сквозь потрескивание динамиков раздается голос стюардессы. Пассажиры, облегченно смеясь, снимают с полок чемоданы. Когда мы выгружаемся из самолета, я проверяю сообщения. Шесть новых. От Зари, от папы и три от мамы.

Мамины я открываю первыми. Сначала последнее. Мама: «Напиши, когда приземлитесь. Я на работе, но волнуюсь из-за погоды».

Нахмурившись, я пробегаю пальцем по экрану. Мама наверняка все это время следила за прогнозом погоды не отрываясь. Конечно, я могу преувеличивать. Это не похоже на маму. Но когда я переехала... Да ладно, кого я обманываю. Когда умерла Фиби. Когда умерла Фиби, все изменилось.

— Парень? — предполагает Харпер.

Я мотаю головой.

— Нет, мама. Ну, из-за погоды...

Она тихо смеется:

— А тут еще я со своими материнскими советами насчет универа...

Я фыркаю:

— Уж поверь мне, вы с моей мамой полные противоположности.

Наверно, поэтому мне Харпер и понравилась. Или, по крайней мере, поэтому я хочу быть на нее похожей. Харпер похожа на тетю Фиби, если бы у той был идеальный вкус и богатый опыт путешествий. А вот мама совсем из другого теста: тихая, осторожная. Работает медсестрой в послеоперационных палатах и до смерти боится инфекций и самолетов. А с прошлого года она боится и всего остального на свете.

Может, если бы я осталась с ней, маме не было бы так страшно.

Нет. Хватит себя терзать. Мама хотела, чтобы я поехала. Выписала чек от имени тети Фиби на целые полгода учебы! Папа заплатил за второе полугодие: он был в восторге, что я на какое-то время перееду поближе к нему. Мы все согласились, что так будет лучше для меня.

Но как было бы лучше для нее самой?

Я захожу в аэропорт, и у меня перехватывает дыхание. Все сиденья заняты, от стен тянутся шнуры телефонных зарядок, все углы завалены чемоданами. У стен рядами выстроились сумки и детские коляски. В проветах между ними стоят взъерошенные путешественники: кто-то сжимает в руках телефон, кто-то дремлет стоя.

Я чувствую легкий толчок справа. Повернувшись, вижу Харпер: она проталкивается мимо меня, элегантно катя за собой кожаный чемодан.

— Ты разве не собираешься поговорить? — Я киваю в сторону стойки регистрации, где, похоже, собралось все население Пенсильвании.

— Зачем? Провести канун Рождества в гостинице аэропорта? Нет уж, спасибо. Я возьму машину.

Я тихонько смеюсь: не уверена, что Харпер уже можно водить машину. Да и машин наверняка не осталось. Снаружи ветер наметает редкие снежинки. Если спросите меня, то наш полет вообще не надо отменять. Его и задерживать-то, по сути, незачем. Харпер шагает вперед, сияя уверенностью и клацающая каблукочками кожаных туфель.

Она останавливается и поворачивается ко мне.

— Поехали со мной. Если хочешь. Подброшу тебя до Питтсбурга.

Ага, конечно. Оптимизм — это, конечно, прекрасно, но его тут явно недостаточно. Я с улыбкой трясую головой.

— Я попытаю удачи в очереди. Нужно разобраться, что мне теперь делать.

— Ну... — Харпер замолкает, словно придумывая аргументы, но потом качает головой. — Напиши мне по поводу университета. И удачной дороги домой!

Она съезжает по эскалатору. Сразу за ней на ступени становятся широкоплечий парень с темными волосами и семейная пара с тремя маленькими детьми. Рядом со мной несколько сотрудников аэропорта ввозят в зал раскладушки. Одна из сотрудниц наблюдает за процессом, приложив к уху рацию. Телеэкраны над головой тоже навевают тоску: показывают прогноз погоды. Огромные мерцающие буквы складываются в слово «ШТОРМЕТЕЛЬ».

Я совсем падаю духом. Можно и не говорить с сотрудниками аэропорта, все и так понятно. Усталые туристы; переплетения зарядок для телефона; спящие под куртками пассажиры. Раскладушки в залах ожидания. Я замечаю указатель «Прибытие и вылеты» на ближайшей стене, но идти туда нет никакого смысла. Тут и без всяких расспросов понятно, что мой рейс на Питтсбург отменили — как и все остальные.

Я не попаду домой.

От этой мысли горло пронзает игла отчаяния. Мне очень нужно домой. Я нужна маме. Я должна ее смешить; должна уговорить смотреть всякую ерунду по телевизору. Я смогу отвлечь ее от мысли, что Фиби умерла под Рождество. Но для этого мне нужно добраться до дома.

Я набираю сообщение, но сразу стираю — и так раз за разом. Нет, не получится: я не знаю, как сообщить маме новости. Что бы я ни написала, она все равно распереживается до полусмерти.

Я сдаюсь и набираю номер моего отчима Дэниела. Дэниел работает бухгалтером, и работа ему очень подходит. Мягкий, спокойный, он — полная противоположность моей нервной и энергичной матери.

Дэниел берет трубку на втором гудке. Как и всегда.

— Мира, — слегка помедлив, произносит он. — Веселого Рождества.

— Ну, Рождество пока еще не наступило, — отвечаю я. — И веселье, честно говоря, тоже. — Пожалуйста, передай маме, что я застряла в аэропорту. Похоже, на всю ночь.

— Ты в аэропорту? Тебе нужна помощь?

— Нет, нет, просто рейс отменили из-за погоды. Даже не знаю, почему: на вид ничего ужасного. Я раз-

берусь, но, похоже, до завтра улететь не получится. Просто передай маме... Ты знаешь, ей сейчас непросто.

— Не уверен, что...

Он как-то неловко замолкает, словно его отвлекли. Может, лапшу варит? Он всегда готовит лапшу на Рождество. Каждый год. Однажды я ее нарисовала: огромные желтые пласты теста, раскатанные тонюсеньким слоем по столу. Центром картины была скалка.

Дэниел покашливает.

— Может, тебе лучше оставить ей сообщение? Ты ей писала?

Я морщусь. Он что, шутит?

— Не, не хочу, чтобы она прочла на работе. Может, попросишь ее позвонить, когда вернется домой?

— Домой?

На сей раз пауза звучит как-то иначе. Ни вдоха, ни шороха.

Когда Дэниел заговаривает снова, в его голосе слышится напряженная печаль.

— Мира, мы с твоей мамой не живем вместе. Она тебе не говорила?

Я прикрываю свободное ухо ладонью. Наверняка я что-то неправильно расслышала.

— А? Что такое?

— Мы с твоей мамой разводимся. Я съехал две недели назад.

Это что, какая-то странная шутка? В моей голове мечутся обрывки вопросов, но я не могу их поймать. Кто-то проталкивается мимо меня с чемоданом, и от удара по колену слова вываливаются у меня изо рта.

— Что... Я не... Разводитесь?

— Мне очень жаль.

Похоже, ему и правда жаль. Но это неважно. Мне снова нечего сказать. Все так внезапно, так странно. Разве... разве хоть что-то предвещало развод? Я прожила с папой в Сан-Диего от силы полтора года, да и то возвращалась домой на шесть недель, когда умерла Фиби. И приезжала на каникулы! Я думала, у них все хорошо. Так мне казалось.

Я делаю шаг вперед, словно что-то меня толкает. Шагаю без цели: мимо зоны прибытия, мимо информационной будки, мимо чемоданов, раскладушек, семей с детьми. Дэниел говорит, что я по-прежнему для него важна — как и мама, разумеется, — и что он не хотел причинять никому боль. Я спускаюсь по эскалатору и бреду по нижнему уровню аэропорта. Вот конвейеры с багажом, вот убегающие в никуда ряды пластиковых стульев...

— Мира? — Туман в моем мозгу пререзает голос Дэниела. — С тобой все хорошо?

Какой до смешного нелепый вопрос. Однако я не смеюсь.

— Я... Это... Мне надо позвонить маме.

— Мне правда очень жаль. Странно, что она тебе не сообщила.

— Да уж. Получается, нас таких двое.

Обменявшись обещаниями не пропадать (я соглашаюсь позвонить, если что-то понадобится), мы вешаем трубку. Да уж, веселого Рождества. Счастливого Нового года. У меня так трясутся руки, что я еле-еле попадаю по кнопке сброса. Я останавливаюсь, чуть не врезавшись в бетонный столб. Меня мелко потряхивает, словно от электрического разряда: энергия, которая не находит себе выхода. Дэниел уходит от мамы.

Вернее, не так. Дэниел ушел от мамы. И все об этом давно знают — все, кроме меня.

Все в мире идет наперекосяк, но ничего не изменилось.

Пассажиры шагают по коридору. Предупреждения об урагане продолжают высвечиваться на всех экранах. Я перечитываю мамины сообщения за последние три недели: «скучаю по тебе, солнышко», «люблю тебя», «жду не дождусь встречи», «хочу приготовить окорок вместо индейки в этом году, ты не против?» Какого черта она ничего мне не рассказала?

Может, она не смогла. Может, она опять закрылась от всего мира. Так было, когда заболела тетя Фиби. Под самый конец.

Но в тот раз Дэниел был с ней рядом. Варил ей суп, кормил тостами. И я была рядом: держала маму за руку, уговаривала не молчать. Каково ей будет проснуться одной в Рождество? В тот самый праздник, который так много значил для нашей семьи — не из-за подарков, а из-за бесконечного списка рождественских традиций, к которому мы каждый год добавляли новые пункты и над которым вместе смеялись. Маме приходилось отпрашиваться с работы, чтобы успеть покататься на коньках, испечь и разукрасить печенье, погулять по сосновому лесу. Мы были такой потешной троицей! А теперь нас осталось двое.

Хотя нет... даже это уже не так. Я здесь, а мама там — в полном, тотальном одиночестве.

Я слышу за спиной негромкое постукивание каблучков и оборачиваюсь. Ко мне приближается Харпер, размахивая каким-то предметом. Глаза у нее красные, лицо бледное, но губы расплываются в широкой улыбке.

— Привет, незнакомка. Ну что, передумала?

У нее получилось. Она держит в руке ключи от машины.

— Я думала, машины в аренду сдают только тем, кому исполнилось двадцать пять, — говорю я.

— Если заплатить двойную цену, в паре мест разрешают и тем, кому двадцать один, — говорит она и, нахмурившись, смотрит на экран телефона. Затем решительно убирает мобильник в карман. — Ну что, поедешь с нами?

— С нами?

— Познакомься с моими друзьями. Собратья по несчастью, изгой рейса 3694.

Она кивком указывает себе за спину: там стоят трое ребят примерно ее возраста. Вид у них изможденный и всклокоченный. Уверена, по мне тоже сразу можно понять, что путешествие не задалось. Харпер, однако, свежа как роза. Может, слегка напряжена и нервничает, но держится молодцом.

Она разворачивается, чтобы представить нас друг другу, словно мы на званом обеде, а не в начальной сцене из фильма ужасов, где подростки отправляются в путь через леса.

— Это Джош.

Блондин с сонным взглядом и какой-то травмой (он опирается на костыли, и на колене какая-то ужасного вида скоба). Джош встречается со мной взглядом и слегка кивает.

— Кайла.

Стройная, гибкая девушка машет мне рукой. Волосы у нее белее белого: яркий контраст с моими, цвета воронова крыла. Я вроде бы помню ее с самолета. Она сидела недалеко от меня.

— И Брекен.

Брекен делает шаг вперед, протягивая руку и широко улыбаясь. Может, даже слишком широко, хотя как знать. Может, все университетские парни такие.

Я стягиваю шапку и, запустив пальцы в шевелюру, откидываю волосы с глаз.

Харпер указывает на меня, звякнув браслетами.

— А это — Мира. Мы добросим ее до Питтсбурга вместе с тобой, Брекен. Если она согласится с нами поехать.

Я открываю рот, чтобы возразить. Это все полная нелепость. Не буду я лезть в машину с незнакомыми людьми, тем более в метель. За окном по-прежнему вяло кружится пара снежинок. Ну ладно, может, метель — громко сказано.

Может, не так уж это все и нелепо.

Я нужна маме прямо сейчас. Обычно я на подобное не соглашаюсь, но мне нужно попасть домой. Ради этого я готова на все.

ДВА

Двери аэропорта с тихим шорохом закрываются у нас за спиной. Воздух снаружи весь пропах выхлопами и бензином. Да еще и холод стоит ужасный. Я готова бежать к первой попавшейся машине, но Харпер придется дожидаться смотрителя, который должен провести для нее инструкцию или что-то вроде того. Судя по длине очереди, дожидаться придется долго.

Оставшись без Харпер, мы вчетвером долго тарачимся друг на друга, пытаюсь понять, стоит ли заводить беседу. Я пытаюсь уговорить себя, что мне предстоит приключение, но вид у нас слишком безрадостный для веселых путников. Вот Кайла: бледная, осунувшаяся, смотрит куда-то в пустоту. Брекен: пуговицы рубашки так и трещат на груди, руки нервно подрагивают. Джош вымученно вздыхает, по-сиротски опираясь на костыли. А я-то сама? Заметно ли другим, что моя вселенная прямо сейчас разлетается на тысячи осколков?

Наконец Брекен бормочет, что ему нужно позвонить маме, и заклятие падает. С видимым облегчением мы все киваем и разбредаемся в разные стороны — кто звонить, кто рыться в сумках.

Я на автомате набираю мамин номер и лишь при звонках автоответчика вспоминаю, что она на работе.

Я вешаю трубку, не оставив сообщения. Что я могу ей сказать... Про развод по телефону не расспросишь. И уж точно не собираюсь ей рассказывать, что вместо того, чтобы переждать в аэропорту, я поеду через горы в компании незнакомцев. Ну ладно, мам, что я о себе да о себе... Расскажи мне про свой страшно секретный развод!

Вместо этого я открываю сообщение от Зари. «Когда вы приземляетесь?»

Я набираю ее номер.

До того как нажать кнопку вызова, я позволяю себе крошечный экзистенциальный кризис. С Зари все тоже очень непросто. Сейчас не время вспоминать про болезненный разрыв нашей дружбы, но если пропущу еще один ее концерт, то все усугублю. Зари была против, чтобы я уезжала: это ведь значило, что я пропущу ее прослушивание в Молодежный оркестр Пенсильвании, куда она уже много лет пыталась попасть. В тот год у нее опять не вышло. Меня она в этом не винила, но слово за слово — и мы поругались. Наговорили друг другу лишнего, а потом целую вечность не разговаривали. Прошлым летом мы медленно и осторожно начали общаться снова, и я думала, что окончательно старые раны будут залечены двадцать шестого декабря, когда я приду на ее утренний послепраздничный концерт.

Но похоже, что я туда не попаду. Когда я доберусь домой — а я туда когда-нибудь доберусь, — нам с мамой о многом надо будет поговорить. Конечно, про тетю Фиби, но теперь, когда я знаю про Дэниела... Ох.

Мы с Зари были лучшими подругами с самого детства. Вся эта ссора была страшной глупостью, да и времени уже прошло немало. Но Зари злопамятная... Может, и правда лучше ей не звонить?

Я звоню.

И — черт возьми, Зари, ну зачем! — она берет трубку.

— Черные или серые брюки? — спрашивает она вместо приветствия.

— Серые, — расплывшись в улыбке, отвечаю я.

— Подожди. — Она закрывает динамик рукой и орет на кого-то из братьев.

Я скучала по этому. Мы познакомились, когда нам было по девять и наши матери стали работать в одну смену в больнице. Все эти годы мы словно вели непрерывающийся разговор — стремительный обмен репликами, для которого не нужно было ни приветствий, ни прощаний, ни бессмысленной светской болтовни. Мы просто продолжали с того же места, на котором закончили в прошлый раз. Когда я переехала, долгие паузы в разговоре звучали очень странно.

А потом Фиби заболела раком, и молчания стало больше, чем бесед.

Затем случился пропущенный концерт и ссора. Зари сказала, что я веду себя отстраненно, словно она для меня совсем не важна. Я сказала, что мне важны вещи посерьезнее, чем концерты виолончели и поиски идеального платья на Новый год.

Мы обе были в чем-то правы, и обе повели себя как стервы. Но так уж действуют на людей расстояния. Я не видела ее в школьных коридорах. Мы не наталкивались друг на друга в кофейнях. Наступила тишина, которую прервала пара сообщений следующим летом.

А теперь... Может, наконец мы снова воссоединимся.

Динамик трещит, и Зари пыхтит в трубку:

— Извини. Ты сказала... серые?

— А то.

— Вот и отлично, а то черные мне узковаты.

— Не думаю.

Я твердо намерена продолжать перебрасываться репликами как волейбольным мячом.

— Ну, не знаю, не знаю. Подожди, а ты что, уже прилетела? Я думала, вы позже приземляетесь.

Я вздыхаю.

— Угадай, чей рейс отменили?

— Ого! Полетишь по другому маршруту?

— В аэропорту уже чуть ли не костры разводят, так что вряд ли. Но это даже не самое странное.

— А что самое?

— Ты знала, что мама с Дэниелом разводятся?

— Что? Разводятся?

— Угу.

— Когда? Что, прямо сейчас?

— Нет, прямо две недели назад. Уже развелись. Ну, Дэниел как минимум съехал. Мама тебе что-нибудь про это говорила?

— Нет. Бог его знает почему. — Она шумно вздыхает.

— Какой отстой.

Наступает неловкое молчание.

— Мира, твоя тетя в прошлом году...

— Да, время совсем неподходящее. И она мне ни слова об этом не сказала.

— Похоже, тебе пора домой.

— Абсолютно точно. Меня подбросят студенты, с которыми я познакомилась в самолете.

Не совсем верно: познакомилась я только с Харпер, но это неважно.

— Ты поедешь с незнакомыми людьми?

— А что, у меня есть выбор? Но не переживай: нас везет очень милая девушка. Мы целых шесть часов сидели на соседних сиденьях в самолете.

— А остальные?

...Не знаю, но если они друзья Харпер, то я уверена, что все в порядке. Нужно же мне как-то добраться до дома.

— Да, это точно. Ты же не хочешь пропустить второй по важности концерт в моей жизни.

Она явно шутит, и я вымученно смеюсь в ответ. Во мне закипает прежняя обида из-за старой ссоры. Я чувствую, как на том конце провода начинают кровоточить прежние раны. Но все это было так давно! И мы уже обговорили все по телефону в конце лета. Разговор вышел неловким. Мы договорились начать заново на Рождество. Вернуться к старой дружбе.

Она вздыхает.

— Я не хотела...

— Знаю, знаю, — поспешно перебиваю я.

Я останавливаю Зари, потому что мне совсем не хочется об этом говорить. И думать тоже не хочется. Я хочу попасть домой, хочу понять, что за чертовщина творится с моей мамой.

— Слушай. — Меня внезапно осеняет. — А ты можешь поговорить со своей мамой? Спроси, знает ли она что-нибудь про маму с Дэниелом.

— Да, конечно, — говорит Зари. — Эй, Мира? Ты там давай осторожней, хорошо?

— Разумеется.

— Позвони мне с какой-нибудь заправки. Расскажешь, совсем они чудачки или не очень.

— Договорились. — Я смеюсь.

Как только я вешаю трубку, Харпер жестом подзывает нас ближе. Мы следуем за ней на дальний конец парковки. Когда Харпер нажимает на кнопку ключа, элегантный белый джип моргает фарами. Видимо, на нем мы и поедем. Мы ждем, пока Харпер загружает в багажник дорогого вида кожаный чемодан.

— Давай помогу, — говорит Брекен, хватая мой гигантский рюкзак.

Я повожу ноющим плечом.

— Спасибо. Осторожнее: защелка на нем совсем разболталась. Извини.

— Да уж, бывает, — говорит Брекен, хотя по его новеньким, словно купленным только что в аэропорту, черным чемоданам и не скажешь.

Джош с мучительной неловкостью балансирует сначала на одном костыле, потом на другом, чтобы снять сумку через плечо. Я делаю неопределенный жест на случай, если ему понадобится помощь, но он лишь краснеет и начинает двигаться быстрее. Надеюсь, он не решил, что я его подгоняю.

— И тебе разрешили взять в аренду эту машину? — спрашивает Кайла у Харпер.

Брекен держит в руках ее поистрепанную дорожную сумку в цветочек.

Харпер отчаянно набирает сообщение и не поднимает глаза.

— Они разрешат что угодно, если достаточно заплатить.

— Мисс Чанг?

Харпер кидает взгляд на приближающегося смотрителя. Он держит в руках массивную черную сумку и мотки серебристой цепи. Это от снега на дорогах. Я выглядываю за стены парковки: там по-прежнему

вьются снежинки. Падая на землю, они тают. Не похоже, что нам понадобятся цепи на колеса, но у зрителя такой вид, словно конец человечества уже близок. Он объясняет, как обмотать цепи вокруг колес, и показывает на лопату и сигнальные ракеты. Куда, по его мнению, мы собираемся? В северную часть Сибири? Похоже, мужик твердо намерен доставить нас туда в полной сохранности. Вдобавок он так пресмыкается, что мне становится не на шутку любопытно, сколько денег отвалила ему Харпер.

Однако машина выглядит вместительной и надежной. Вдобавок я поеду бесплатно, а значит, надо заткнуться и радоваться.

Брекен кладет мой рюкзак рядом со своими чемоданами и сумкой Кайлы. Он слегка двигает чемодан Харпер. Может, его собственный багаж и хорош, но логотип на чемодане Харпер говорит мне, что она потратила на поклажу больше, чем стоит моя машина. Такая роскошная кожа, такая гладкая медная фурнитура.

Разложив все в наилучшем виде, Брекен делает шаг назад, но Кайла наклоняется над багажником, чтобы засунуть что-то в рюкзак и расставить сумки по своему вкусу. Я наблюдаю, одновременно пытаюсь понять, как бы я ее нарисовала. Кайла похожа на пересвеченную фотографию: белая кожа, блеклые глаза и такие светлые волосы, что в странном свете фонарей парковки они кажутся серебристыми. Когда она поворачивается и ловит мой пристальный взгляд, я быстро улыбаюсь. Надеюсь, по мне не видно, как я смутилась.

— Ты из Сан-Диего? — спрашивает она.

— Вообще-то из Питтсбурга. Мой папа...

Я закашливаюсь. Харпер думает, что я хожу в университет. Если она узнает, что я еще школьница, то, как

знать, может, она откажется меня везти. На такой риск я пойти не могу.

— Извини. Я там учусь. А ты?

— Что-то вроде того. — Пожимая плечами, она отводит взгляд.

— А где в Питтсбурге ты живешь? — спрашивает меня Брекен, наконец закрывая багажник.

— Белтцхувер. А ты?

— Эджворт.

Несложно догадаться по его дорогим джинсам и новеньким ботинкам. Однако если Брекен и думает что-то по поводу моего бедного района, по нему этого не скажешь.

— Харпер говорила, ты художница? — еле слышно выдыхает Кайла, взмахивая бледными волосами. — Скульптор или...

Я облегченно выдыхаю.

— В основном занимаюсь живописью. Природа, городские пейзажи.

— Что тебя вдохновляет? — тихо спрашивает Джош.

Я переминаюсь с ноги на ногу, внезапно осознавая, что на меня пристально смотрят два симпатичных взрослых парня. Они ждут ответа.

Хорошо, что мы говорим про искусство. Про него я могу говорить часами. Оно — центр моей вселенной. Я знаю, что вряд ли смогу зарабатывать рисованием, но искусство обязательно должно быть в моей жизни. Может, стану преподавать. Или пойду работать в музей. Или реставратором. Меня не надо вдохновлять на искусство; оно само — главное вдохновение моей жизни. Но я знаю, что Джош ждет другого ответа.

— Больше других на меня повлияли Густав Климт и Джейкоб Лоуренс. Они очень разные, но их картины меня одинаково трогают.

Джош склоняет голову набок.

— Тебя трогают картины? Я думал, художники вдохновляются жизнью, а не другими художниками.

Я смеюсь.

— Ну да, но почти все художники, которых я знаю, вдохновляются более искусными мастерами. Когда мы можем прочувствовать чужую работу, то можем творить и сами. Такие связи — это главное, что есть в мире.

— Связи... — медленно говорит Джош, улыбаясь шире.

Не могу понять: то ли он искренне, то ли дразнит меня, но мне все равно. Я улыбаюсь в ответ и разворачиваюсь к машине.

Для арендованной она вовсе не дурна. Кожаные сиденья, и столько подставок для напитков, что нам всем нужно по три стакана, чтобы заполнить их все. Мы без разговоров загружаемся внутрь. Харпер теревит в руках аптечку, расстегивая и застегивая молнию. Наконец она убирает ее под сиденье. Брекен садится рядом с ней, а Кайла размещается рядом со мной на заднем сиденье. Харпер снова набирает сообщения. Брекен разглядывает маршрут на телефоне. Джош все еще возится со своей сумкой, и я могла бы выбраться из машины и заставить его сесть посередине, но он и так на костылях, зачем терзать его еще сильнее. Когда он садится рядом, ядвигаюсь на сиденье, чтобы ему досталось побольше места.

Так странно ехать куда-то с четверьмя совершенно незнакомыми людьми. Я рада, что Брекен сел спереди.

Он нервно стрекочет про обходные маршруты и прогноз погоды. Нагоняет страху, хотя на дороге ни снежинки. Вдобавок Брекен какой-то... напряженный. Может, дело во взгляде. Или в том, как у него дрожат руки. В любом случае я рада, что он не сидит рядом со мной.

Мои соседи по сиденью по сравнению с ним кажутся совсем расслабленными. Кайла прислонилась к окну, словно собираясь вздремнуть, а Джош пытается найти место для своих костылей. Из-за них под ногами практически не остается места.

— Давай помогу, — предлагаю я.

Он оглядывает меня долгим взглядом и неохотно протягивает костыли. Ладненько. Он милый, но немного странноватый. Я кладу костыли один на другой поверх нашего багажа.

— Спасибо, — несколько нервно благодарит меня он.

Может, решил, что я с ним флиртую? Ну и подумаешь. Наверняка в колледже у него есть какая-нибудь выпендренная подружка. Изучает поэзию и феминизм, носит челку и обклеивает ноутбук антикапиталистическими наклейками.

И все же, когда он пытается подвинуть ногу и тихо стонет от боли, я сочувственно морщусь.

— В аэропорту, наверно, несладко пришлось? — спрашиваю я, кивая на коленную скобу.

— Ну... По-разному.

Он хмурится.

— И как ты справился?

— Я провожу социальный эксперимент, — со смешком отвечает он. — Давай, угадай.

— Что угадать? — Я недоуменно наклоняю голову.

— Как думаешь, что случилось с моим коленом?

— Спортивная травма, — ответила Харпер, хотя он спрашивал меня. — И еще, судя по твоему комментарию, ты изучаешь психологию.

А если судить по ее собственному комментарию, они с Джошем явно не друзья. Наверно, она просто из тех популярных девчонок, которые всех знакомых называют друзьями.

— Да нет, какой тут спорт! — возражает Брекен, даже не оглядываясь на Джоша. — Я думаю, на ступеньке поскользнулся.

— Вы оба не правы. Но ваши ответы я запомню на будущее, — с широкой улыбкой говорит Джош. — Мира?

Он явно ждет моего ответа.

— Думаю, на тебя напал бродячий медведь.

— Бродячий медведь... — Он улыбается еще шире. — Пока что это мой самый любимый вариант.

Ну ладно, может, не такой уж он и выпендренный. И довольно смазливый... ну, как смазливый бариста из кофейни. Как и половина парней в модных кофешопах Сан-Диего, он высокий, светловолосый и давно нуждается в стрижке. Его одежду мне почти не видно со своего места, но вот перчатки все в дырах. Пока Харпер крутит руль, выбираясь с парковки, он достает «Превращение» Кафки и красную ручку. Не хватает лишь зерен темной обжарки и мрачного гитариста в углу.

— Ехать придется долго, — тихо говорит Харпер, выезжая на дорожку от гаража.

Брекен елозит на сиденье, оглядывается по сторонам, а потом расправляет плечи, словно решил, что пора сделать важный шаг. Он первым успевает дотянуться до радио и начинает перебирать станции.

— Нужно включить новости. Вдруг сообщат о какой-нибудь аварии. Или что где-нибудь дорогу перекрыли.

— Пока что дороги в полном порядке. Если что, у нас с собой есть все, чтобы попасть домой на Рождество: цепи на колеса и сигнальные ракеты.

Я беру в руки телефон. Как хорошо, что мы поехали. Всего шесть неловких часов в машине с незнакомыми людьми — и я попаду домой, к маме. Все будет хорошо. Мы поговорим. Я поругаю ее за то, что она ничего мне не рассказала. Она мне все объяснит. Мы оставим ссору в прошлом.

— А ты на каком факультете? — спрашивает меня Джош, улыбаясь, точно уже знает ответ.

Я знаю, что это виноват Кафка. Мальчики из кофейен уверены, что все знают заранее.

— Я пока не выбрала специальность, — быстро отвечаю я, не смутившись собственной лжи. — А ты?

Он пожимает плечами.

— Вообще я учусь на бизнесе, но в последнее время меня интересуют совсем другие вещи.

— Так, предупреждение, — говорит Брекен. — Похоже, надвигается буря.

Я смотрю на электронное табло над шоссе. Огромные мигающие буквы. «ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: МЕТЕЛЬ. 13.00 суббота — 8.00 воскресенье».

Я выглядываю из окон: дороги сухие, порхают мелкие снежинки. Может, снежинок стало больше?

Проверяю часы на табло. 11.28.

Пока что на метель не похоже, но как знать.